

УДК 801.73

О. Р. Миннуллин

КОММЕНТАРИЙ К ПОЭТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖАНР

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила в редакцию 17.12.2022 г.

Принята к публикации 10.07.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-7

75

Для цитирования: Миннуллин О. Р. Комментарий к поэтическому произведению как филологический жанр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №1. С. 75 – 88. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-7.

Не только в современной филологической науке, но и в кругах широкой общественности, интересующейся поэтическим творчеством, комментирование – один из наиболее востребованных жанров филологического высказывания, изыскующих поэтическое произведение. Это связано с особой сопроводительной по отношению к стихотворению позицией субъекта высказывания в комментарии, отличающейся гибкостью, опорой на факт, различными интерпретационными возможностями. Научные материалы, написанные в жанре литературоведческого комментария, многочисленны, однако весьма скудной представляется рефлексия о том, какими параметрами должен обладать подобный комментарий к стихотворению, какие цели перед собой ставить, какие факторы учитывать. Данная статья восполняет эту теоретическую лауну, показывая, что комментарий к стихотворению прежде всего должен быть ориентирован на жанрово-родовую специфику этого типа художественного произведения. Основное внимание уделяется уяснению двухэтапного характера комментирования. Первый этап опирается на точные текстологические сведения, второй носит толковательно-интерпретационный характер. Определяется точка равновесия между толкованием и интерпретацией, стремлением к объективации смысла и субъектно-личностным событийным его переживанием, которое осуществляется в эстетическом опыте, во встрече автора и читателя в произведении.

Ключевые слова: комментарий, стихотворение, толкование, интерпретация, художественный текст, научный жанр, читатель

Введение

Комментарий к стихотворению – один из самых популярных жанров, изыскующих поэтическое произведение, представленных в современном филологическом, литературно-критическом и околосредствительном дискурсе наряду с литературоведческим анализом, интер-

претацией, толкованием, примечаниями к стихотворному тексту, то есть различными возможностями осмысления отдельно взятого поэтического текста. Например, научная электронная библиотека *eLibrary* по поисковому запросу «комментарий к стихотворению» выдает свыше 10000 позиций — все это научные статьи, преимущественно представляющие собой разносторонние попытки пояснить, истолковать те или иные аспекты конкретных поэтических произведений (и это только те случаи, когда слово «комментарий» встречается в заглавии материала или вынесен в ряд ключевых слов). Чаще всего подобные комментарии опираются на биографический, историко-литературный или социокультурный контекст. Несколько иные текстологические комментарии в узкоспециальном, справочном смысле можно найти в любом академическом, а порой и в популярном издании произведений поэта (например, в известной серии «Библиотека поэта»). Наконец, множественными *комментариями* сопровождаются сетевые публикации малоизвестных авторов на различных литературных интернет-ресурсах. Все эти комментирующие тексты имеют разный характер, глубину и филологическое качество, однако обозначаются они одним и тем же словом, и использование его для столь различных рефлексий по отношению к поэтическому тексту симптоматично.

Из сказанного ясно, что комментарий комментарию рознь. И все же между разными высказываниями, подпадающими под это определение, существует типологическая и телеологическая (целевая) связь. В самом общем виде все эти высказывания направляются стратегией объяснительного понимания: комментирующий стремится привести факты, связанные с текстом или усмотренные в нем, с тем чтобы обратить внимание адресата на те или иные существенные, по мнению комментатора, смысловые аспекты, без всеобъемлющего прочтения, предполагающего покомпонентной целостный анализ стихотворения [3, с. 20]. Разные типы комментариев объединяет также их *сопроводительный характер*. К тому же комментарий актуализирует текст в культуре, свидетельствует о его востребованности и оказывается своеобразной формой, поддерживающей функционирование произведения в читательском сообществе, удостоверением жизнеспособности и востребованности этого текста.

Состояние вопроса и постановка проблемы

В нашей работе далее речь пойдет только о литературоведческом комментировании. Существуют разные виды комментария: реальный [9; 10], лингвистический [4], текстологический, историко-литературный [5], культурологический [1], архетипический [12]. При изобилии разнонаправленных литературоведческих комментариев к стихотворениям налицо существенная лакуна в отношении теории этого жанра. Что собой представляет или в идеале должен представлять собственно литературоведческий (и, шире, филологический) комментарий к стихотворению? Рефлексии по этому поводу разрозненны и разноаспектны. Чаще всего их можно обнаружить в небольших теоретико-литератур-

ных или методических статьях на эту тему (например, А.К. Жолковского [6], Д.С. Игнатьева [8], И.В. Якушевич [19], Н.Ю. Русовой [14]). Отдельные соображения высказываются в рамках вступительных частей к комментариям, сопровождающим собрания стихотворений того или иного поэта, в пояснениях о принципах комментирования (например, у Е.В. Ивановой [7], Н.В. Королёвой [11]).

Следует осмыслить аксиологическую сердцевину жанра, нацеленного на комментированное понимание стихотворения. Важно попытаться ответить на вопросы: какой комментарий следует считать ценным, а какой — лишенным ценности? какова его предельная цель? какими полномочиями располагает комментатор для ее достижения? какая позиция комментатора будет наилучшей, чтобы состоялся точный, глубокий, конгениальный комментируемому тексту, сотворческий, открывающий смысловую перспективу поэтического произведения комментарий? В ходе размышлений мы затронем вопрос о разновидностях комментариев к стихотворениям и вопрос об отличии литературоведческого комментария от анализа, интерпретации, толкования, примечания, сноски и других научных и/или научно-популярных жанров?

Комментарий-примечание

Вначале несколько слов о комментариях-примечаниях, которые мы встречаем в конце как академических изданий стихотворений поэтов, так и просто капитальных, хорошо оснащенных научно-популярных изданий (например, из серии «Библиотека поэта»). Востребованность сопроводительных филологических текстов этой жанровой разновидности продиктована рядом факторов. Прежде всего это фактологичность и связанная с ней кажущаяся неопровержимость, однозначность и простота в уяснении. Чтобы понять комментарий, не нужно иметь академическое образование литературоведа — ведь он сам по себе «мост понимания» (вспомним знаменитые слова С.С. Аверинцева о филологии как «службе понимания»), сообщение, призванное дать читателю «ключ» к прочтению в самом общем неангажированном (идеологически, концептуально, методологически и т.д.) виде. Здесь уместно привести известную установку А.Т. Твардовского, которую он сформулировал для своей поэмы, — она удачно иллюстрирует первую задачу комментирования:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Справочный комментарий текстологического характера обычно содержит следующие сведения: датировка написания стихотворения, первые упоминания о замысле, первая публикация, черновые варианты и трансформации текста, связанные с требованиями цензуры в до-

печатной подготовке, прямые биографические отсылки в тексте (восстанавливаемые через письма, опубликованные воспоминания, мемуары, свидетельства), ключевые выдержки из первых откликов. Это очень кропотливая и необходимая филологическая работа. Подобным комментариям-примечаниям практически невозможно возразить, если только не допущена фактическая ошибка. Во всяком случае, такое возражение не предполагается жанровой моделью этого сопроводительного изложения фактического антуража и минимального реально-контекстуального пояснения. Здесь невозможны идеологическая и теоретико-литературная навязчивость интерпретации, какое-либо «вчитывание» смыслов. Это «чистый» комментарий, который мы встречаем в академических изданиях, стремящийся к протокольной строгости, документальности, аскетичности текстологического примечания. Он предшествует любому дальнейшему углублению, предваряет понимание, если у читателя (или профессионального филолога) возникла потребность в таком углублении и появились какие-то конкретные вопросы, требующие точных сведений для последующего погружения на другой уровень понимания.

Очевидная недостаточность такого комментария сопряжена с отсутствием собственно эстетического суждения, нацеленного на осмысление события поэтического произведения. Это просто не предполагается самим жанром комментариев-примечаний к собранию стихотворений. Они служат лишь подспорьем и внешней опорой для дальнейшего углубленного, эстетически ориентированного и личностно-онтологического комментирования поэтического произведения.

Так, например, в издании стихотворений Ф. И. Тютчева, подготовленном Пушкинским домом в 2002 г. [15], дается весьма подробный текстологический комментарий к стихотворению «Цицерон». Описывается автограф, указываются даты первой и последующих прижизненных публикаций стихотворения, поясняются особенности синтаксиса и пунктуации в тексте, приводятся отзывы современников Тютчева (Пушкина, Некрасова). Далее дана оценка этого стихотворения Александром Блоком и размышления над его текстом в статье «Интеллигенция и революция», а также рефлексии над ним другого символиста, Валерия Брюсова...

Кроме того, в комментарии указывается на вариативность в тексте «Цицерона»: в ряде случаев в первой строке второй строфы читаем «Счастлив, кто посетил сей мир...», в других случаях — «Блажен...». Причем упоминается и тот факт, что Пушкин посчитал более удачным вариант «счастлив», для Блока же, цитирующего в своей работе тютчевский текст, актуальнее оказывается вариант «блажен». Наконец, отмечено, что в новых изданиях вслед за Пушкиным литературоведы (в частности В. В. Кожинов) отдают предпочтение варианту «счастлив»: «Кожинов полагает, что Тютчев должен был отвергнуть слово *блажен*, так как через строку появляются *всеблагие*» [15, с. 377]. Однако чисто стилистическими колебаниями поэта эта вариативность не объясняется. Очевидно, что Тютчев заботился и о точности смыслового выраже-

ния, выбор того или иного слова непосредственно связан с авторским замыслом. Следует учесть, что слово «блажен», принятое Блоком (а также, например, В. Т. Шаламовым в рассказе «Шерри-бренди»), ведет в библейский контекст (ср. «Блаженны кроткие...» и т.д.), притом что оратор Цицерон жил в дохристианскую эпоху... Иными словами, текстологический комментарий, сколь подробным бы он ни был, все же оставляет смысл произведения практически нетронутым, неистолкованным. Для этого необходим выход на другой уровень комментирования.

Целостный литературоведческий комментарий как самостоятельный филологический жанр

79

В комментарии, представляющем собой самостоятельную публикацию, акт осмысления поэтического произведения, требования жанра несколько свободнее, однако и здесь есть свои пределы. Даже такой более свободный формат комментария оказывается ближе к деликатному герменевтическому истолкованию, чем к индивидуально-произвольной интерпретации или какому-то оригинальному философско-эстетическому прочтению.

Вспомним давнюю критику М. Л. Гаспарова, направленную против подхода М. М. Бахтина к осмыслению литературы (статья 1979 г. [2]). Гаспаров требовал укрощения исследовательского своеволия во имя самого объекта. Он справедливо указывал, что литература не может быть объектом, позволяющим иллюстрировать собственные философские идеи, а реальные возможности диалога с произведениями былых эпох и далеких культур на деле весьма ограничены. Ученый отрицал бахтинский пафос экспроприации чужого слова, перетолковывания наследия словесной культуры по своему усмотрению, пренебрежительное отбрасывание всего, что не удастся уложить в прокрустово ложе собственной философско-культурологической системы взглядов и ценностей. Он отмечал опасливое отношение знаменитого философа к «авторитарному языку» лирической поэзии (Бахтин редко обращался к лирике), требующему читательского послушания: «Бахтин — это бунт самоутверждающегося читателя против навязанных ему пиететов» [2, с. 509]. Гаспаров подчеркивал, что читательское сотворчество не должно деформировать предмет рефлексии, заслонять его смысл или вовсе подменять своим произволом.

С большинством положений Гаспарова хочется согласиться, особенно имея в виду жанр комментария к стихотворению. Однако в пылу принципиальной полемики, конечно, порой формулировки отдельных тезисов оказываются категоричными. Своя доля правды есть и у Бахтина. Размышляя об этой дискуссии в статье «Двадцать пять лет спустя: Гаспаров и Бахтин» [18], К. Эмерсон в целом принимает сторону автора знаменитой «Занимательной Греции». Подход Гаспарова «отучает человека от духовного эгоцентризма», обращает читателя к «объективной онтологии». «...Нравственность филологии заключается как раз в добродетелях объективности и дистанции, то есть в осознании того, что письменный артефакт, который я в данный момент анализирую, в свое

время обращался не ко мне и обращался не на моем языке; что он, следовательно, безразличен к моим ценностям и не должен истолковываться с опорой на мои личные потребности или нужды» [18, с. 18]. Это, на первый взгляд, бесспорно, особенно в отношении текстов далеко отстоящих от современности культур прошлого, к тому же отодвинутых от нас географически. Бахтинская идея большого диалога всего со всем, одновременности культурных смыслов, сошедшихся во мне, красива и в отдельных проявлениях оправданна и применима, но, взятая в общем виде, она располагает к эссеистичности высказывания и методологически, строго говоря, проваливается.

80

Другое дело, когда речь идет о широко понятой современности (100 – 150 лет) и о пространстве родной культуры. Здесь не все так однозначно, и аргументы Гаспарова теряют свою категорическую силу. Одно дело комментировать лирику Пиндара или Франсуа Вийона, другое — лирику А. Блока или А. Кушнера. Позиции комментатора будет в этих случаях совершенно разными.

К тому же объективный закон искусства, в том числе искусства поэзии, к которому обращается литературовед, состоит в том, что оно открывается только свободному субъекту, как «автономная ценность» (понятие Б. Христиансена, разрабатываемое в «Философии искусства» [17, с. 36]). Да и творится оно через субъекта, конечно же, не обособленного, не через самоутверждающегося, замкнутого на себе индивида. Творческий субъект в некотором смысле надиндивидуален и оказывается точкой сгущения совокупного опыта человечества. Но ни само творчество, ни его адекватное восприятие невозможны в обход личности, хотя через нее и проводится нечто, превышающее отдельно взятое сознание, близкое каждому, «вселенское и родное» (выражение Вяч. Иванова). Смысл личностей, бытие человека личностно, а «объективная онтология» сродни непознаваемой «вещи в себе» (И. Кант), не сознающей себя «глухонемой Вселенной» (И. Бродский). Объективистская стерилизация эстетического суждения и эстетического бытия едва ли плодотворна. В этом отношении удачна формула М. М. Гиршмана: «...литературовед должен пройти между Сциллой внеаучно-субъективистского и Харибдой безлично-объективистского подходов, которые равно уничтожают искусство» [3, с. 10].

Но какова мера соотношения объективности и личностного начала в филологическом эстетическом сужении? В замечательном фильме режиссера Йосефа Сидара «Примечание» (2011), где сюжет строится на сложных взаимоотношениях отца и сына, двух ученых — комментаторов талмуда, одна из главных коллизий заключается как раз в столкновении двух подходов к словесному артефакту. Позволим себе комментированный пересказ. Отец всю жизнь реконструирует утраченную версию талмуда, трепетно и деликатно отыскивая свидетельства, упоминания, цитаты, комментируя скромные обретения с предельной щепетильностью и аккуратностью. Он толкователь. Однако ученого постигает своеобразная неудача — версию утраченного талмуда, которую он по крупницам собирал и комментировал всю жизнь, неожиданно нашли целиком. Сын действует иначе: если говорить метафорически,

найдя пару черепков древнего сосуда, он реконструирует его целиком и готов размышлять о жизни гончара, создавшего его. Он интерпретатор. Его работы пользуются большой популярностью. Однажды отец получает письмо от Академии наук, в котором сообщается, что ему присуждена главная ученая премия в сфере филологов-талмудистов. Пожилой ученый счастлив, его вклад в науку, дело всей его жизни, как будто бы реабилитирован и признан. Следом, однако, комиссия связывается с сыном: из-за одинаковых фамилий произошла ошибка, премия должна быть присуждена именно сыну. Молодой филолог-талмудист в растерянности: это общественное признание мало что добавляет к его и без того громкой славе, в то же время несколько сопернические отношения с отцом и так натянуты. Сын готов отказаться от награды в пользу отца и просит членов комиссии сохранить случившийся казус в тайне. Члены жюри, умудренные опытом ученые мужи, понимают щепетильность ситуации, соглашаются на это, но с условием, что сын самостоятельно напишет поздравительный текст от имени присваивающего премию научного коллектива. Сын пишет текст, его публикуют в газете, публикацию читает (и с удовольствием неоднократно перечитывает) ни о чем не подозревающий отец. Но в тот момент, когда он идет по красной дорожке за своей наградой, в его воображении возникают фрагменты из письма, и пожилому ученому становится ясно, что оно насыщено идиоматическими выражениями, присущими его сыну. В его сознании совершается чисто филологическая работа, и на лице как будто проступает понимание всей истории: пазл собрался. На этом сюжет завершается.

Открытый финал дает пищу для раздумий: кто же победил в этом противостоянии — толкователь или интерпретатор? По-видимому, истина, как всегда, оказалась где-то посередине, точнее, она оказалась чем-то другим, выходящим за рамки дихотомии. Именно толкователь, вооруженный своим инструментарием, собрал частицы своеобразного «ментакулуса», смысловой мозаики, — провести его не получилось. Но его горькое открытие связано с узнаванием, что общественное признание, а в чем-то и нравственная правота оказываются за интерпретатором. В конце концов, собрав элементы головоломки в единое целое, толкователь переходит к видению того целого, к которому устремлена именно интерпретационная стратегия. В этом трудном диалоге отца и сына толкование и интерпретация открываются навстречу друг другу. К такому сложному, динамическому равновесию следует стремиться и в комментировании поэтического текста.

Каким бы ни был комментаторский акцент, обязательным требованием остается учет родо-жанрового своеобразия стихотворения, особенностей поэтики, свойственных лирике, а также специфики знаковой системы стиха как особой семиотической системы, с которой читатель чаще всего имеет дело при обращении к поэзии. Мы лишь укажем, не имея возможности в рамках одной статьи уделить им достаточно внимания, на некоторые поэтологические понятия, связанные с лирическим произведением, детально разработанные в теории литературы. Лирический субъект, внутренний мир, образ переживания, «лириче-

ская концентрация», «душевная биография», «момент озарения» (Г. И. Сильман), «авкоммуникативность лирики» (Ю. Б. Левин), «перформативность лирики» (В. И. Тюпа), «интерференция сознаний субъектов» (С. Н. Бройтман), «эмоциональный тон» (Б. О. Корман), «теснота стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов), «семантический ореол метра» (М. Л. Гаспаров) и др. — скромное выборочное перечисление понятийного ряда демонстрирует колоссальную разработанность теории поэтического произведения, которую желательно иметь в виду, обращаясь к комментированию стихотворения.

Однако непосредственный комментарий, не только в академических изданиях, но и вообще, не может быть изобретательно-терминологичным, не допускает вычурных теоретических нагромождений — теория должна уходить в глубину постигающего прочтения. Литературоведческие понятия могут вводиться в комментарий в том минимальном объеме, без которого невозможно адекватное описание поэтического явления. Не удастся прокомментировать существенный объем стихотворений Афанасия Фета, не упомянув о «Красоте», «чистом искусстве» или «синестезии», дать глубокие пояснения к стихотворениям Николая Гумилёва, не коснувшись принципов поэтики акмеизма, сказать о поэзии Алексея Парщикова, обойдя вниманием понятие «метареализм». Но строить ход комментирования как иллюстрацию к уже уясненному в литературоведении понятию, относимому к поэтике данного автора, в корне неправильно. Термин способен «выпрямлять», шаблонизировать живой, подвижный смысл события поэтического произведения, обретающего полноту в акте непосредственного чтения. Тем самым уникальный смысл произведения оказывается заслонен заведомо известным термином. Например, само по себе указание на то, что в «Капитанах» Гумилёва реализована поэтическая программа будущего акмеизма, никоим образом не исчерпывает смысла стихотворения и не помогает читателю «пережить» его уникальное эстетическое событие.

Демонстративно-иллюстративный по отношению к собственным теоретико-литературным построениям характер разбора, возможный в рамках того или иного теоретически ориентированного анализа, совершенно невозможен в комментарии. Это касается не только пояснительных текстов, размещаемых в конце томика стихотворений, но и комментирующего разбора как самостоятельного литературоведческого высказывания на страницах «толстого» журнала или в электронных медиа о поэзии.

Литературоведческое высказывание в этом формате не предполагает интерпретационной изощренности, высокой степени индивидуальной творческой свободы комментирующего, рискующей вынести его за горизонт адекватности читательского сотворчества. Желательны точность, аккуратность и деликатная скромность комментатора, пиететно-охранительное отношение к поэтическому произведению — прежде всего текст, факт, все бесспорное и несомненное, но при этом проливающее свет, дающее опору для осмысливающего прочтения, приближающее к смыслу. Наверное, любое профессиональное литературоведче-

ское суждение должно быть таким, однако на деле картина, обусловленная концептуализирующим наукообразием, зачастую иная. Именно в комментарии названные моменты — требования жанра. Комментарий, уводящий в сторону, подобен сбивчивой речи, отклоняющейся от предмета, теряющей ценностный смысловой фокус, сворачивающей в разговоре на любимые (или наиболее болезненные) темы.

Крайне нежелательно какое-то выпячивание комментаторского «я» в тексте высказывания о стихотворении (за исключением редких случаев, когда комментатор способен представить уникальный аттрактивный материал, связанный с обращением к подлиннику или первоисточнику). Умение комментирующего филолога оставить читателя один на один с поэтическим текстом весьма ценно в комментарии.

Сказанное ни в коем случае не отменяет возможности смыслового углубления, если дается более развернутый комментарий. В частных случаях это углубление может быть связано, например, с необходимостью истолкования «темного» места. Им может оказаться чисто лингвистический момент (изъяснение слова, выражения, языкового нюанса) или нечто, требующее восстановления контекста: биографического, историко-литературного, культурно-исторического и др. Введение контекста вообще является одной из существенных сторон комментария, как и любого истолкования, но контекст не должен мешать, заслонять собой сам текст. Комментатору необходимо чувство смыслового равновесия.

В работе «Чтение» [16] представитель герменевтического направления современного литературоведения Л. Ю. Фуксон выделяет несколько типов связей, который проявляются в тексте художественного произведения и ведут читателя к открытию смысла: 1) внутренние (телеологические, то есть имманентная поэтика); 2) внешние диалогические (интертекстуальные и реально-контекстуальные); 3) внешние археологические («ритуально-мифологический подтекст», смыслы, уводящие в глубинные пласты культуры). Эти аспекты истолкования, способные актуализироваться в рецепции произведения, составляют, по меткому выражению ученого, «почву толкования». Однако интерпретация и в целом чтение предполагают не просто указание на отсылку одного текста к другому и не обособленную интерпретацию диалогически обращенных текстов, а «определение зоны их взаимодействия» [16, с. 97], раскрытие смысла этой обращенности. Это же относится и к «археологии» художественного текста: само по себе обнаружение в тексте мифологических структур, архетипических оснований или культурных кодов не обеспечивает понимания смысла конкретного художественного события. Привлечение истолкования внешних связей и глубинных «кодов» должно напрямую служить раскрытию имманентного смысла эстетического события — встрече сознаний автора, героя и читателя в художественном произведении. Справедливы предостережения ученого о приоритете внутренних связей над интертекстуальными и археологическими, о мере легитимности привлечения внешних значений, определяемой внутренним смыслом интерпретируемого целого. «Понимание — это... умение слушать само произведение, слушать, не перебивая» [16, с. 18].

Важно иметь в виду, что стратегия комментария к стихотворению существенно отличается от стратегии литературоведческого анализа. Анализ, произведенный с определенными историко-культурными целями, вполне допускает смещение смыслового фокуса с явления отдельного произведения (конкретного поэтического события) на сам историко-литературный фон или характерное литературное явление эпохи, типичным, репрезентативным случаем которого оказывается анализируемый текст, смещение в сторону истории литературы. Зачастую целью становится концептуализация наблюдений, осуществленных в процессе анализа, некое теоретическое обобщение результатов. Также целью анализа вполне может оказаться и своеобразная демонстрация или прояснение возможностей того или иного теоретико-методологического инструментария — это порой мало приближает к смыслу поэтического произведения как такового, но вполне допустимо и широко представлено в литературоведении именно в связи с особой теоретико-литературной целью подобного анализа. Здесь есть и несомненные достижения.

В комментарии же особенно следует избегать элементов анализа ради самого по себе анализа или наблюдений ради самих наблюдений, своеобразной литературоведческой «гимнастики»: вот это можно концептуализировать, а вот здесь «узреть и отвлечь» элементы биографических прототипов / типические черты художественной структуры / свойства мифопоэтики / бинарные оппозиции / подтекст, пригодный для психоанализа, и т. д. и т. п. Заведомая установка на концептуализацию способна заслонить единственность и событийную уникальность поэтического произведения.

Кажется, в науке о литературе давно установлено, что путеводной звездой познавательной стратегии филолога должно быть пушкинское «смысла я в тебе ищу»: фокусировка на постижении художественного явления, стремление познающего к раскрытию смысла, воплощенного в событии стихотворения, в которое он — внимательный и вдумчивый читатель — оказывается непосредственно вовлечен. В этом случае те или иные аспекты осмысления поэтического произведения предстают в качестве возможных путей к уяснению полноты эстетического события, а не являются самоцелью усилий филолога. Но этот здравый подход реализуется далеко не всегда. Избыточная интерпретационная находчивость комментатора, смещающая фокус внимания с текста произведения на личность интерпретатора, или вовсе постановка текста литературного произведения в служебное положение по отношению к собственным философско-эстетическим или иным идеям встречаются довольно часто.

М. М. Гиршман, чьи слова мы выше уже приводили, справедливо настаивает на верном «ценностном ориентире» читателя, и в особенности профессионального читателя — литературоведа: «найти Пушкина в себе... приобщиться к "высшему знанию"», а «не объявить себя Пушкиным, возвести свой субъективизм в абсолют» [3, с. 10]. Причем эта рецептивная позиция лишь отчасти является элементом читательского сотворчества, в основе же своей она задана в самом произведении. Поэтическое искусство требует «научного охранения» от субъективного

произвола, ответственности чтения (установки не исказить смысл). «Читатель, сумевший стать частью этого диалога, нашедший позицию для включения в него, способен “становиться целым”, т. е. чувствовать свою причастность к целостности человеческого бытия» [3, с. 98]. Важнейшим оказывается комментаторский принцип «не навредить», не разрушить смысл произведения своим чтением: в случае же пренебрежения особым языком и смысловым своеобразием произведения в их взаимосвязи оно попросту не откроется для читателя. Во встрече автора и читателя рождается смысл, не готовый заранее, поэтому процесс *общения, чуда встречи, взаимопонимания*, приоткрывающего нечто сущностное в бытии человека, — одна из основополагающих ценностей в рецептивном художественном опыте и в практике комментирования поэтического текста.

Представим в качестве иллюстрации изложенных теоретических идей комментарий к стихотворению О. Э. Мандельштама «Я не слышал рассказов Оссиана...». Это произведение, помещенное во втором издании книги «Камень» (1916), — одна из визитных карточек Мандельштама. Его смысл — утверждение причастности человека единому событию мировой культуры. Лирический герой в нем как бы вступает в право наследования «блуждающих снов», поэтических откровений, воспринятых или порожденных воображением художников-духовидцев прошлого. Эти видения характеризуются как «блаженное наследство». «Блаженное» значит юродивое, дарованное свыше, «беспамятное». Приятие такого наследства, акт причащения к нему реализуется внерациональным способом, ведь лирический герой стихотворения Мандельштама никогда не слышал древних легенд и «не пробовал старинного вина». Каким-то чудом та самая «кровавая луна», которую лицезрел древний певец, является его воображению, «мерещится». Сквозной в стихотворении образ луны отсылает к поэзии (вспомним, например, пиита из «подлунного мира» у Пушкина).

Весь образный строй стихотворения поддерживает мотив чудесного наследования «блуждающих снов». Оссиан, упомянутый в заглавной строке стихотворения, — легендарный шотландский бард, сказитель, который по эпическим законам всякий раз, исполняя, как бы вновь порождает легендарную историю. Существует знаменитая мистификация поэта XVIII столетия Джеймса Макферсона, выдавшего поэмы собственного сочинения, написанные по мотивам кельтских легенд, за фрагменты древних сказаний, разысканных им в экспедиции на севере Шотландии. С точки зрения науки это жульничество, но с позиции поэтического творчества поэт, перелагающий древние легенды, которые он воспринял в уже уходящей навсегда устной традиции, совершает вполне законное благородное дело продления ее жизни.

Перекликающиеся «ворон и арфа» в стихотворении Мандельштама — не только извечные мистический и поэтический символы. Вспомним, например, зловещего и таинственного «Ворона» у Эдгара По. Может быть, поэтому и у Мандельштама тишина, в которой проступает видение древних дружинников (воинов), «зловещая». У поэта XX в. присутствует и вполне конкретная отсылка к стихотворению Лермонтова «Желание», лирический герой которого, вообразивший себя степным

вороном, «арфы шотландской струну бы задел». Совпадение это, скорее всего, не намеренное, а интуитивное, но на память приходит, что в глубине веков предками Лермонтова, согласно фамильному преданию, были шотландцы. Вспомним и полупоэтического Честного Томаса — шотландского барда, поэта-провидца XIII столетия, влюбившегося в королеву фей, Томаса Лермонта. Все эти неочевидные смысловые связи подспудно присутствуют у Мандельштама, все далекое и «чужое» притягивается его поэтической «всемирной отзывчивостью». Чудесная связь определяется не кровным «родством» и не в системе пространственно-временных координат («скудное соседство»), а некоей самостоятельной волей, заключенной в самой песне, в самих сюжетах, в «блуждающих снах». Причастность мировой культуре у Мандельштама обусловлена самим бытием человека-поэта:

И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

«Скальд» — певец из другой, не средневековой шотландской, а древнескандинавской поэтической традиции. Русский поэт смешивает эти традиции в одну не столько по незнанию, сколько по принципу поэтического сближения. Это сближение сопоставимо с понятиями эпического времени (*Once upon a time...*), когда разные исторические события, разбросанные на несколько столетий, являются в воображении сказителя как бы одновременными, или эпического пространства (где-то в холодной средневековой, мрачно-зловещей, мужественно-воинственной и таинственной стране скальдов, бардов и лютистов, кельтов, англосаксов и викингов). Как сформулировал Мандельштам в другом стихотворении: «Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея...» Границы времени и языка размыкаются, открывается пространство единой культуры, единого мирового поэтического текста, непрекращающегося «немолчного напева». В стихотворении лирический герой Мандельштама обнаруживает себя в различных поэтических ипостасях и сам становится певцом — ретранслятором «блуждающих снов».

Подведем итоги. Адекватный литературоведческий комментарий к стихотворению — это одна из возможных «тропинок» в том создаваемом пространстве, в котором происходит событие встречи автора и читателя как двух взаимообращенных личностей, обнимаемых творческой энергией взаимодействия, деятельной целенаправленной созидательной силой, насквозь проникающей художественный акт. Оптимальное комментирование связано со стремлением раскрыть смысловую полноту поэтического произведения. Проявление смысла сигнализирует о состоявшемся событии чтения художественного текста в его эстетической специфичности и онтологической серьезности. Эта серьезность определяется глубокой личностно-ответственной затронутостью читателя-комментатора произведением. Здесь личность понимается не как частно-биографический обособленный индивид, а как тот единственный «личный человек» (А. Платонов), способный открыться общению с другим, с автором как субъектом, осуществляющим в своем поэтическом творении некий совокупный опыт человечества. Важно осознавать

пределы объективации и отдавать себе отчет о границе, отделяющей объективно-толковательную составляющую комментария от целостного интерпретационного охвата, учитывать двухэтапную структуру комментирования, момент перехода в другой литературоведческий регистр. Все, что может быть истолковано точно, фактологично, понятийно, все верифицируемое, безусловно, составляет фундамент комментария, однако его глубина обеспечивается личностно-онтологическим подходом к произведению, осознанием событийного характера стихотворения, обращающего участников к диалогу друг с другом, возможному в пространстве поэтического текста и открывающейся за ним перспективы. Здесь уже толковательно-интерпретационная стратегия необходимо выдвигается на первый план.

Список литературы

1. Веселова Л. А. Интегративный культурологический комментарий стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды» на школьном уроке // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13, №4. С. 221 – 223.
2. Гаспаров М. Л. Бахтин в русской культуре XX века // Михаил Бахтин: Pro et Contra / под ред. К. Г. Исупова : в 2 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 507 – 510.
3. Гиришман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М., 2007.
4. Двинартин Ф. Н. Из лингвопоэтического комментария к одному петербургскому тексту Мандельштама // Петербургский дискурс. СПб., 2013. С. 79 – 103.
5. Долгушин Д. В. «Мне привиделся сон. Как же весел был он...»: неизвестное стихотворение В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2018. №51. С. 110 – 129.
6. Жолковский А. К. О темных местах текста. К проблеме реального комментария // Новый мир. 2011. №3. С. 168 – 179.
7. Иванова Е. В. Подготовка текстов и комментариев раздела «Стихотворения» // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 272 – 291.
8. Игнатьева Д. С. Особенности составления многопараметрового комментария к художественному тексту (на примере стихотворения К. Симонова «Сын артиллериста») // Русская литература в иностранной аудитории. СПб., 2022. Вып. 10. С. 231 – 238.
9. Казарин В. П. Стихотворение А. А. Ахматовой «Вновь подарен мне дремотой...» (опыт реального комментария) // Вопросы русской литературы. 2013. №25 (82). С. 5 – 10.
10. Казмирчук О. Ю. Использование реального (исторического) комментирования в анализе художественного текста // История и современность в филологических науках : сб. тр. М., 2021. С. 266 – 272.
11. Корольва Н. В. Комментарии // Ахматова А. А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 673 – 951.
12. Мароши В. В. Архетипический комментарий к лирическому зачину стихотворения Ивана Жданова «Орнамент» // Творчество Ивана Жданова: философия, эстетика, поэтика. Барнаул, 2018. С. 148 – 159.
13. Миннуллин О. Р. Энтелехия лирики: пути становления лирического рода литературы : учеб. пособие. Донецк, 2016.
14. Русова Н. Ю. Моделирование живописного видеоряда для культурологического комментария // Русский язык и литература в образовательном процессе. Саратов, 2016. С. 222 – 229.
15. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская ; коммент. В. Н. Касаткина. М., 2002.

16. Фуксон Л. Ю. Чтение : монография. Кемерово, 2007.
17. Христиансен Б. Философия искусства. СПб., 1911.
18. Эмерсон К. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине // Вопросы литературы. 2006. №2. С. 12–47.
19. Якушевич И. В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2012. №1 (230). С. 85–91.

Об авторе

Олег Рамильевич Миннуллин – канд. филол. наук, доц., Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: papulia@yandex.ru

88

O. R. Minnullin

COMMENTARY ON A POETIC WORK AS A PHILOLOGICAL GENRE

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Received 17 December 2022

Accepted 10 July 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-7

To cite this article: Minnullin O. R. 2024, Commentary on a poetic work as philological genre, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 75–88. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-7.

Not only in contemporary philological science but also among those in broader society interested in poetic creativity, commentary is one of the most sought-after genres of philological discourse that elucidates poetic works. This is linked to the distinctive position of the commentator in relation to the poem, characterized by flexibility, reliance on facts, and various interpretational possibilities. While numerous scholarly materials have been written in the genre of literary commentary, there appears to be a limited reflection on the parameters such commentary should possess, the goals it should set, and the factors it should consider. This article fills this theoretical gap, demonstrating that commentary on poetry should primarily be oriented towards the genre-specific nature of this type of artistic work. The main focus is on understanding the two-stage character of commentary. The first stage relies on precise textological information, while the second takes on an explanatory-interpretative character. A balance is determined between interpretation and commentary, the pursuit of objectifying meaning, and the subjectively personal experiential aspect, which is realized in the aesthetic experience, in the encounter between the author and the reader in the work.

Keywords: commentary, poem, commentation, interpretation, literary text, scientific genre, reader

The author

Dr Oleg Minnullin, Associate Professor, Southern Federal University, Russia.

E-mail: papulia@yandex.ru